Автор: Есельсон С. (Россия)

Возвращались ли Вы на место своего крещения?

Место моего крещения далеко, за границей. Но я знал, что это происходило в Храме, посвященном иконе «Всех скорбящих радо-сти». И вот, по случаю, в Москве, мне сестра как-то говорит: «А ведь здесь оригинал этой иконы, ее, так сказать, основной, домашний храм, порт приписки. И ходить далеко не надо, в самом центре, у метро “Третьяковская” — раз-два, и ты там». — И я решил наведаться.

Снаружи храм выглядел странно. Я не большой знаток архитектуры, но он для меня сильно смахивал на дворец екатерининских времен. Да и внутри. Пол деревянный. Огромные картины на библейские сюжеты, словно я в картинной галерее — в Лувре или где-то в Испании.

Икона была чудотворной, огранялась серебряным окладом, висела на возвышении, над помостом, и к ней со своими мольбами поднимались по мраморной лестнице.

Я стал ходить туда, и как-то провожатая, в тот момент москов-ской чиновник, православная, хотя и из бывших ветеранов настоящей советской подпольной эзотерики, добрый ангел-хранитель моей семьи, показала мне икону, располагавшуюся на опорной колонне Храма, неподалеку от Богородицы. Странную, необычную икону Пантелеимона целителя, которая встречалась с тобой глазами, с какой бы стороны ты к ней не подходил. Через эту икону я молил о благополучной экстренной операции моего ребенка — и все обошлось.

Однажды у дверей церкви я прочел, что по четвергам там проводится молебен об исцелении от глазных болезней у иконы Лонгина Сотника. И подивился. Я не видел там такой иконы — сколько раз ни приходил я в церковь.

Старушка в свечной лавке на мой вопрос махнула направо, в угол. Туда я никогда не заглядывал почему-то. Потом уже сообразил, что вообще по жизни сподобился любить спуски и подъемы, столбовые дороги и старинные лестницы, а вот по углам, по чуланам, по чердакам, по закоулкам, по тропинкам — это не ко мне. Словом, обнаружил я в самом правом углу церкви притаившуюся икону, небольшую, потемневшую от старости. Я подошел и уставился на нее. При чем тут глаза? Но зрение-то мое стремительно падало, а книга Норбекова вдохновляло на одно — не надевать очки ни в коем разе — станешь на костыли, потом не слезешь. Я уставился на Лонгина и мысленно спросил: «Что надо, чтобы хорошо видеть?» Ответ пришел быстро, но внезапно: «А ты смотри в правильном направлении!» В голове закрутился всякий сумбур из читанного — вроде «на Бога нельзя посмотреть и не ослепнуть». С тем и ушел.

Прошло немало времени. Зрение ухудшалось.

И я открыл его Житие.

Лонгин был сотником, по-современному — командиром батальона особого назначения при Понтии Пилате. Батальона, расквартированного в столице римской провинции Иудеи, в Иерусалиме. В его обязанности входило обеспечение безопасности Пилата и его ближайшего окружения, борьба с беспорядками в столице, исполнение наказаний (тех же бичеваний и казней). Родом он был из Каппадокии, что на территории современной Турции. В те времена в Римской империи, как впоследствии и в Советском Союзе, было принято, что военные не должны служить на земле своей малой Родины. Помнится, чеченцы служили в Эстонии, узбеки в Магадане, а буряты — в Дагестане. Что-то примерно так. Так было и в Риме. Словом, Лонгин и его ребята иудеями не были.

Лонгин был бравым служакой, верной опорой Понтия.

О солдатах своих он заботился непритворно. В Новом Завете есть эпизод, когда он приходит к Иисусу в отчаянии — его человек помирает и никто из местных врачей, целителей, колдунов, магов и шарлатанов не в силах ничем помочь. Сотник видит чудеса исцеления подле Иисуса и подходит к нему. Толпа расступается, ученики напрягаются — чего хочет этот римский начальник?

Сотник просит Иисуса дать указание, сказать, чтобы его человек исцелился, и тот, без сомнения, тогда исцелится. Иисус удивлен — пожалуй, единственный раз в Писании. Он поражен, встретив в человеке с такую веру, какой не встретил он ни в одном иудее, включая ближайших учеников. Сотник верит, что не надо ходить Иисусу никуда, прикасаться, возлагать руки, достаточно просто сказать — и все произойдет. По вере сотника его воин исцеляется.

Когда приходит время казни Иисуса, то исполняет ее отряд Лонгина Сотника. И то, что по слову Иисуса исцелился один из бойцов этого отряда, то, что Лонгин лично видел множество исцелений, множество благодеяний, творимых Иисусом, — ничего не меняло. Дан приказ — надо исполнять: человек служивый, военный.

Понтий Пилат, по некоторым версиям, пытался спасти Иисуса всячески. В том числе использовал административную хитрость всех времен и народов — назначить меньшее наказание вместо большего, ибо за одно и то же два раза не наказывают — назначил избиение бичами вместо распятия. Но номер не прошел — ему руководство синедриона пригрозило жалобой к кесарю, в Рим, он испугался и сдал Иисуса. В результате Иисуса избили до полусмерти, а потом еще и распяли. Люди Лонгина и бичевали Иисуса, и сопровождали его на казнь, и производили распятие. Процедурой казни руководил Лонгин лично. А что делать — человек служивый, верою и правдою, римский ветеран, почти что военный пенсионер, по-нашему — «батяня-комбат». Наверное, он все-таки помнил благодеяние, совершенное для него Иисусом — иначе вряд ли бы воины Лонгина переложили нести тяжелый крест Иисуса, когда он совсем изнемогал, на подвернувшегося Симона Кириянина.

Стареющий Лонгин плохо видел, но авторитетом пользовался безукоризненным среди своих бойцов. Это его и спасало. Никто и не пытался филонить, дурить плохо видящего комбата.

Лонгин был при тысячах казней, он знал, что смысл распятия — в долгой мучительной смерти от зноя и жажды, в корчах от нестерпимой боли в пробитых руках и ногах, от невозможности изменить положение рук, ног, тела. Потому, когда Иисус помолился и тут же Дух его покинул тело, то Лонгин немало подивился, лично проверил протыканием тела копьем и убедился в его полной безжизненности. И в этот момент началось сильное землетрясение. Лонгин вспомнил все и произнес: «Воистину, это был сын Божий».

Быстрая смерть Иисуса и последовавшее землетрясение впечатлила находившегося в месте распятия, на Голгофе, тайного почитателя Иисуса — члена синедриона Иосифа Аримафеянина. Он тут же отправился к Понтию Пилату просить отдать ему тело для погребения. Понтий, как будто ждал сообщений с места казни — немедленно дал аудиенцию пришельцу. Римский чиновник чурался всякой мистики, поэтому главное в сообщении для него было не случайно, на его взгляд, совпавшее со смертью Иисуса землетрясение, не частичное разрушение иудейского храма — иудеи в сложном сплетении интриг, как ему представлялось, и не такое могли сами себе подстроить. Главным для Понтия была небывало быстрая смерть Иисуса и проявившийся после нее раскол в синедрионе.

Понтий тотчас вызывает к себе Лонгина, и тот подтверждает все, что рассказал Иосиф. И Понтий дает разрешение Иосифу Аримафеянину забрать и захоронить тело Иисуса. Тем более, что никто другой с просьбами к Понтию Пилату не обращался, на захоронение тела конкуренции не было. Но как только люди Иосифа начали снимать тело Иисуса, соглядатаи первосвященника Каиафы уже сообщили тому о готовящемся погребении.

Много грозных знаков было Каиафе в тот день, но он закусил удила.

И отправился лично с визитом к Понтию с просьбой — обеспечить охрану пещеры, в которой Иосиф Аримафеянин хоронил Иисуса. Понтию не хотелось дальше вмешиваться в это дело. И он отказывает Каиафе — «дело, мол, ваше, сами и охраняйте». Каиафа во время Пасхи не может обеспечить охрану захоронения силами своей стражи, и он снова угрожает Понтию доносом в Рим.

Тело Иисуса было погребено в замурованной пещере, вход в которую все-таки охраняли бойцы Лонгина. Мера эта была эксклюзивной — Понтий Пилат, однажды пойдя по пути страха, боясь, что император больше будет доверять жалобам синедриона, чем ему, наместнику, не мог остановиться. Синедрион обнаружил слабое место наместника — и далее безошибочно бил в это место.

Осведомители аккуратно осведомляли синедрион обо всем, что говорил Иисус, а аналитики — анализировали. И руководство синедриона ожидало, что будет

инсценировка воскресения. О том, что Воскресение может произойти на самом деле, им и в голову не могло придти. Чудес сами они никаких не производили и ни в какие чудеса не верили, зато в политике разбирались хорошо.

И страшно боялись чего-то, что бы могло спровоцировать римлян ужесточить режим, боялись повторения вавилонской оккупации — с разрушением Иерусалима, Храма, ликвидацией местного автономного управления и расселением народа по территории империи.

Ну вот, могли хорошо они прогнозировать всякие политические события, могли как-то участвовать в интригах имперского двора и знали, что и сколько стоит в политике.

Лонгин был абсолютно уверен в своих бойцах. Когда ему сообщили, что тело Иисуса исчезло, а бойцы клялись, что неотступно и неусыпно сторожили вход в пещеру, то он им поверил. И доложил Понтию, что все так и было. Внутреннее расследование показывало вещи невероятные — камень, замуровавший вход в пещеру, могла отвалить только бригада человек в десять — и то со специальными приспособлениями. Бойцы же рассказывали, что камень внезапно отвалился сам собой, словно приглашая зайти и проверить наличие тела на месте погребения. И точно, никаких следов, ни человеческих, ни от приспособлений обнаружено не было.

Тела не было. Это факт. Пелена, в которые его укутывали, были, а самого тела не было.

Понтий для порядка приказал оформить письменно результаты внутреннего расследования Лонгина. И когда к нему снова обратился Каиафа, то кивнул на Лонгина. Я, мол, что, я, мол, человек маленький, действую соответственно донесениям своих людей. Синедрион пригласил Лонгина для разговора.

Лонгина попросили изменить результаты своего расследования. Всего ничего. Миллионы следователей всех времен и всех народов получают такие предложения. Лонгину намекнули, что не просто так, конечно же, а по вновь открывшимся обстоятельствам.

И предъявили ведь эти «обстоятельства» — три блудницы, три иерусалимские проститутки, в один голос свидетельствовали, как они услаждали солдат, охранявших вход в пещеру с телом Иисуса, для коего дела охранники и удалились с ними с боевого дежурства. А чтобы «додавить» все еще сомневающегося Лонгина — ему предъявили и четвертого свидетеля. Сосед проституток, возвращавшийся вечером из гостей домой, видел троих красавец, шедших к себе в обнимку с римскими солдатами.

Лонгин не задавал лишних вопросов. Он, как человек плохо видящий, сидел, склонив голову и прислушиваясь к бойким рассказам свидетелей. Потом вздохнул и сказал: «Нет».

Тогда на столе перед ним оказался увесистый мешочек. Содержимое мешочка высыпали на стол, потом бережно сгребли назад. Мешочек был набит золотыми монетами. Содержимое одного этого мешочка перевешивало суммарное жалование, полученное Лонгиным за все десятилетия римской военной службы.

Лонгин сказал: «Нет», — и встал. Лонгин сказал: «Нет», — и пелена, много лет стоявшая перед глазами и делавшая мир неотчетливым, словно в дымке, куда-то ушла. Миллион тонких покалываний пронзили голову, пронзили лицо, пронзили затылок, глаза быстро-быстро заморгали. Лонгин протер глаза — пелены не было. Мир был отчетлив и неизбежен.

И Лонгин покинул синедрион.

Когда на следующий день Лонгин шел к Пилату, то нос к носу столкнулся с покидавшим аудиенцию Каиафой. Каиафа насмешливо взглянул на Лонгина. Какое сообщение в Рим отправит Пилат о происшедших событиях?

Пилат сказал Лонгину, что считает «вновь открывшиеся обстоятельства» весьма весомыми. Лонгин в ответ подал Пилату прошение об отставке.

Вслед за Лонгиным подали такое прошение и двое его солдат, его земляки, каппадокийцы, бывшие среди тех, кто распинал Иисуса, а потом стоявшие на охране пещеры с телом в ту памятную ночь.

Они ушли с римской службы — и из Иудеи, к себе на родину, в Каппадокию.

А вскоре из Каппадокии стали приходить вести о том, что там появились новые проповедники — рассказчики о Христе, о всяких странных, удивительных иерусалимских событиях. Лонгин был в Каппадокии видным человеком, римским гражданином, совершивший неплохую карьеру. Его слушали, с ним советовались.

Синедрион почувствовал отдаленную угрозу, Понтий — тоже. Понтий знал, что «дурной пример заразителен», а пример был, причем для военных.

И когда из синедриона намекнули, что надо бы с Лонгиным и приспешниками разобраться, то Понтий прореагировал стремительно. Но в своей манере, чтобы ответственное решение принимало ответственное лицо, но другое — не он.

В адрес кесаря, то есть императора, было отправлено донесение с подробным изложением обстоятельств дела. Дело касалось римского гражданина, военного, популярного командира, поэтому Понтий просил самого кесаря принять ответственное решение.

Ответ из Рима не заставил себя долго ждать. Предлагалось уничтожить Лонгина и приспешников, но аккуратно, тайно, без шума, чтобы не было ясно, кто и за что их убрал.

Первосвященник был приглашен к Понтию. И Понтий предложил ему сделку. Голову Лонгина в обмен на письменное заверение первосвященника со ссылочкой на соответствующее решение синедриона о том, что они клянутся в верности кесарю и берутся оперативно извещать Понтия обо всех смутьянах, хотя бы слово где сказавших против римского владычества.

Сущая безделица. Он им реальную голову, а они ему письменное обещание.

В синедрионе чувствовали подвох. Привычнее было деньгами, золото в обмен на голову. От золота Понтий не отказался, сообщив, что оно взято на тайные нужды империи, а подписать бумагу все равно потребовал. В противном случае, ему, дескать, неинтересно искать и убивать Лонгина. И синедрион принял нужное решение.

Лонгин недаром много лет был начальником иерусалимского «ОМОНа». У него сохранилось много товарищей в разных римских структурах в Иерусалиме, товарищей, его уважавших.

И ему сообщили. Сообщили, что в Каппадокию будет отправлен спецназ с задачей найти и уничтожить его и двух его друзей-приспешников.

Лонгин жил в своем родовом селении, его друзья — в своих. Лонгин не знал, сколько у него есть времени на размышления, а это для него, человека опытного, означало, что времени нет. Он купил домик с участком, стоявший на отшибе, по дороге, ведущей из столицы, и немедленно туда переселился. Лонгин был, конечно, при деньгах, тем не менее удивительно, что всю операцию ему удалось провернуть в один день.

Отряд подошел в конце следующего дня. Люди в штатском, но с особой выправкой и нарочитой небрежностью.

Лонгин стоял и любовался закатом, и они у него спросили про селение Лонгина.

Лонгин показал, куда путь держать. Однако обратил внимание путников, что вечереет, что на ночь глядя их никто к себе не пустит, а гостевого двора в селении нет, и предложил заночевать у него.

Ребята задумались и согласились.

Гостеприимство каппадокийское было сродни легендарному кавказскому.

Лонгин накрыл стол, чем было: яства, вино, фрукты. Вскоре Лонгину была открыта «важная тайна»: что они не просто абы-кабы, а переодетые представители римского наместника, ищут бывшего римского сотника Лонгина, чтобы вручить ему большую награду за долгую верную службу империи, а переодетые — чтобы не обращать на себя внимания.

Долго шел пир — кажется, пока все припасы, что были в доме, не выпили и не

съели.

Лонгин постелил им постели, а сам вышел подышать свежим воздухом ночи, помолиться. Что было делать? Вот, вроде, и зверь сам прибежал на ловца. Все посланные для его убийства лежат в его доме, пьяные, и спят беспробудным сном.

Лонгин молился и вспоминал Иисуса, все, что он лично видел и что ему рассказывали.

И решение пришло. Лонгин пошел по ночной дороге в соседнее селение, где жили два друга, два его бывших подчиненных. Он растолкал и позвал с собой, сначала одного, потом другого.

Такие дела решаются сообща. Неизвестно, что он им сказал, но они попрощались со своими семьями, благословили детей и отправились вместе с Лонгиным к его дому.

Уже светало. Посланники Пилата проснулись и готовились в путь. Заметив удивление посланцев, Лонгин представил двух своих товарищей — «мои старые друзья».

Руководитель отряда спросил Лонгина: «Как тебя отблагодарить за ужин, кров и дружелюбное застолье, добрый человек?» Лонгин ответил странно, как они потом вспоминали: «Спасибо на добром слове, а Бог — отблагодарит».

Когда они уже собрались было выйти на дорогу, он говорит им: «Не надо вам никуда идти. Я Лонгин, а это два мои бывших подчиненных, два бывших римских воина».

Спецназ впервые в жизни растерялся. Они мялись и переглядывались. И наконец их начальник сказал: «Нас послали убить вас троих, и твою голову, Лонгин, привезти в Иерусалим, прокуратору. Но поскольку ты такой человек, так хорошо нас принимал, то иди с миром. Мы тебя не видели — и ты нас не видел. Верно, ребята?» И все ребята дружно сказали: «Верно».

То, что ответил им Лонгин, спецназовцы запомнили на всю жизнь. Лонгин сказал: «Все равно в конце жизни смерть. Лучше, чем сейчас, нам никогда не умереть. Делайте, братцы, что вам повелело начальство».

Их обезглавили, голову Лонгина положили в заранее приготовленный специальный мешок и отправились восвояси, то есть назад в Иерусалим.

Дело об убиении было кесарево, поэтому Понтий Пилат отнесся к нему с чрезвычайной дотошностью. Начальник отряда написал донесение. Донесение зачитали при свидетелях — членах отряда, те единодушно все подтвердили, что и было внесено в протокол.

Понтий прочитал донесение, подумал-подумал и ничего не сказал. Почему он не попросил изменить его содержание? Кто знает, кто знает... Впрочем, есть мнение, что

он посчитал случившееся подтверждением высокой духовной стойкости его людей, пусть даже и в отставке и проштрафившихся. А эфиопские христиане и вовсе говорят, что Понтий дошел до святости. В конце концов. Кто знает, кто знает?..

На голову Понтий даже не взглянул, зато долго глядели первосвященник и иже с ним. Пока не удостоверились полностью — «да, это голова Лонгина Сотника». На сделанное Пилату предложение забрать назад голову он ответил, что не знает, о чем они говорят, и что руки его слишком чистые, чтобы мараться о какие-то отрубленные головы. Первосвященник понял, что попал в историю, что нигде не зафиксировано, что римского гражданина Лонгина убивали люди Пилата, и поспешил побыстрее избавиться от опасного вещдока. Голову выбросили на городскую свалку.

И потекли годы.

Прошло почти четыреста лет. Одна женщина, вдова из Каппадокии лет около сорока начала стремительно слабеть зрением, пока не ослепла на оба глаза. Ни протирки, ни капли, ни молитвы не помогали. Времена шли вполне византийские, и христиан в Каппадокии в те времена было полно. Вот и она была христианкой. Тем не менее она пошла к колдуну — колдун сказал, что «лечить слепых себе дороже обойдется». Пресвитер благословил на поиск целителя, а аскет-пустынник пропел ей: «Я совершенно слепой старик, всё, что у вас, мне не надо и даром», — но не объяснил, к чему это. Наконец ей кто-то сказал, что нужно сходить в Иерусалим, где когда-то у Иисуса слепые прозревали. И искать в Иерусалиме помощи Божьей.

Она взяла с собой единственного сына, подростка.

Остановились они в селении под Иерусалимом, в гостинице. В Иерусалиме цены были заоблачные, и знающие люди порекомендовали ей селиться в предместьях — и близко, и дешево.

Здесь все и случилось. Женщина, утомившись с дороги, легла спать. А молодой растущий организм сына хотел есть. Что съел отрок, доподлинно не известно, но известно, что он отравился. После недолгих мучений сын слепой женщины скончался.

Когда все стало на свои ужасные места, вызванный на подмогу врачеватель развел руками и произнес перед матерью утешительную речь на тему: «Все там будем», — женщина отрыдала и впала в забытье.

В голове и душе всё путалось, мешалось, и вдруг среди мешанины возник голос. Этот голос был не звучащий, его нельзя было узнать — ни по тембру, ни по интонации. Можно было сказать, что возникло понимание, что делать. Понимание прервало сон и мешанину.

Когда позже женщина искала слов, чтобы рассказать про случившееся, то она говорила так: «Мне было открыто».

Ей было открыто, что она должна идти на Иерусалимскую свалку и там найти голову Лонгина Сотника, в этом — спасение.

Женщина договорилась с жалевшим ее хозяином гостиницы, что за сравнительно недорогую плату труп сына положат на несколько дней в глубокую пещеру, выполнявшую роль холодильника.

И обратилась после этого она к хозяину гостиницы со странной просьбой — дать провожатого до иерусалимской свалки. Казалось, что несчастная слепая лишилась ума, но хозяин, хоть и с сомнением, дал все-таки ей провожатого.

Она добралась до свалки и провожатого отпустила.

Свалка была необъятной. Она помолилась и принялась за работу. Если бы это было лето, то вряд ли она осталось живой после нескольких часов работы. Но шел октябрь, солнце светило и грело не так нещадно, и она рылась и рылась. Иногда она походила на собаку, которая пытается то ли что-то отрыть, то ли что-то зарыть.

Прошло несколько дней, и произошло практически невообразимое — она наткнулась на голову, она отрыла голову.

Женщина цепко притянула ее к себе, и тут до нее дошло, что это и есть искомое, цель.

Солнце светило тускло; смеркалось; во все стороны, куда ни кинь взгляд, тянулась свалка, кучи мусора. Почти на горизонте — Иерусалим. Она все это увидела. К ней вернулось зрение.

Она посмотрела на череп, обтянутый высохшей кожей. «На что мне видеть, если сына нет? Что мне видеть — кучи мусора и Иерусалим на горизонте? Верни мне сына!»

И тогда она услышала голос. Голос шел ниоткуда — и одновременно отовсюду: «Не сын для тебя, а ты для сына».

Женщина разогнулась и остолбенела. Потом тихо вымолвила: «Что я могу сделать для него? Только похоронить с честью». И услы-шала: «Похорони мою голову вместе с ним. Я возьму его к себе, в свою обитель».

Она увидела всю их с ребенком прошедшую жизнь, вспомнила, как ребенок сказал ей как-то: «Слушай, а зачем нам папа? Нам так хорошо вдвоем». (Муж ее был погонщик верблюдов, приходящий папа, все время уходивший из семьи с очередным караваном, надолго, а как-то и вовсе не вернувшийся домой.) Она вспомнила все это и спросила: «А кто ты?»

«Я сотник римской армии Лонгин. Видел и слышал Иисуса Христа, поверил Ему и в Него. Был за это убит. Душа моя живет в одной из обителей Его Отца».

Она уже выбралась со свалки, а в голове ее все крутилось: «Мужская компания, мужская компания. Мальчику нужна мужская компания».

Больше ничего не приходило ей в голову; живой ее мальчик или мертвый — она даже не задавалась таким странным вопросом. Она верила, что мальчика дальше будет вести правильная и твердая рука.

Ошеломленный хозяин гостиницы выдал ей труп сына. Она сделала все, как ей сказал Лонгин.

Один вопрос стоял перед ней: «Вот я его выкормила и вырастила, вот нашелся отец ему духовный, и я отдала сына в его руки. Что я еще могу сделать для него?» Кто-то говорил ей: «Поживи для себя». Но тот, или скорее та, кто говорил так, превращались для нее в безличное «кто-то».

Как-то ей приснился сын в невообразимом блеске счастья. Фоном ему были спокойное голубое небо, мягкая зеленая травка и прохлада близких гор с грохочущими водопадами.

Она встала рано, переделала все свои дела по хозяйству. Что-то еще — душа говорила: что-то требуется еще. И она вспомнила рассказ проповедника, как Иисус исцелил десять человек, а поблагодарить из них пришел только один.

Она помолилась, сдала хозяйство под присмотр родственникам и двинулась в Иерусалим.

При входе в город она поравнялась с монахом. «Этот», — мелькнуло в голове. Она остановила его и рассказала свою историю. Монах слушал ее, затаив дыхание, а потом воздал хвалу Господу и сказал, что это ровно то, чего он искал.

Имя тому монаху было Исихий. Поиск следов жизни Лонгина, погребенных в Каппадокии тел его товарищей стал делом его жизни. Все, что я могу рассказать о древней этой офтальмологии — благодаря ему, Исихию Иерусалимскому.

И, кстати, когда его спрашивали, что это так много времени он уделяет расследованиям жизни Лонгина, что ему, собственно говоря, нужно — копьё того с магическими свойствами или чаша, куда, по некоторым странным легендам, собирали кровь Иисуса, то он пожимал плечами: «Странные люди! Мне важна память — для будущих поколений».